

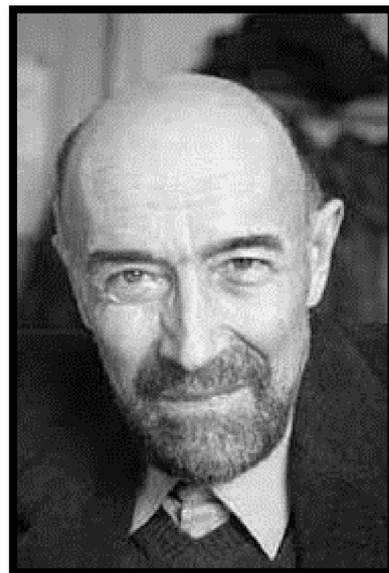
В ушедшем году произошло событие, которое обязывает обратить интенцию философского сознания в такое еще близкое прошлое. В финальный летний месяц 2023 г. ушел из жизни замечательный петербургский философ, с момента учреждения неперемный член редакционной коллегии нашего журнала Борис Васильевич Марков. И это печальное событие переводит идейный и эмоциональный багаж Бориса Васильевича в модус наследия. Наследия, которое может и становится источником биения философской мысли, прежде всего в Санкт-Петербурге. «Но для этого тоже должно пройти свое время», – справедливо утверждает в ниже следующем эссе Д. Ю. Дорофеев¹, которое и свидетельствует об этом.

Борис Васильевич Марков. ПАМЯТНОЕ СЛОВО

13 августа 2023 г. ушел из жизни Борис Васильевич Марков. Умер на своей малой родине, в деревне Звон Вологодской области, там, где родился 1 июля 1946 г. и куда стремился выезжать при первой возможности и оставаться там столь долго, сколь было возможно. Похоронен поблизости, в трех километрах от этой деревни, в селе Горицы, на деревенском кладбище, откуда открывается такой умиротворяющий вид на Волго-Балтийский канал.

Одной из любимых тем Бориса Васильевича была философия языка. Как можно и нужно говорить об умершем близком тебе человеке? Ответить на этот вопрос непросто и, наверное, каждый, кто задумается, ответит на него по-своему. Однако, кажется, все согласятся, что об умершем и живом мы говорим по-разному.

Официальный некролог подчеркивает факты жизни, регалии, делает упор на значимость и значительность событий, но за всей этой формальной данностью зачастую теряется сам человек. Смерть, если она воспринята лично, дистанцирует по отношению к умершему и одновременно сближает, но никак не объективирует его, а, наоборот, предельно персонализирует, экзистенциально обостряет, вплоть до болезненности, ощущение его присутствия и ухода. О Борисе Васильевиче только и можно говорить лично, от первого лица, а не делать упор на его заслугах, количестве монографий, защитившихся под его началом аспирантов и докторантов. После смерти образ человека меняется, мелкие, случайные детали отбрасываются, а что-то по-настоящему значимое, чему при жизни, возможно, и не уделялось должного внимания, наоборот, раскрывается и становится определяющим. Образ Бориса Васильевича накладывается на его книги, в которых он проявлялся и которые поэтому мы – по крайней мере, те, для кого этот образ имел личную ценность – тоже со временем будем читать иначе. Ведь если человек при жизни меняется в процессе написания важной для себя книги, то после его смерти меняется смысл и само содержание этой книги, открывается ее новое измерение для того, кто перечитывает ее с личностным вниманием, памятью и уважением к образу автора. Но для этого тоже должно пройти свое время. Пока же горечь,

¹ Первая публикация: Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, вып. 3 (1). С. 305–308.

ощущение печали и несвоевременности этой смерти, несмотря на полные 77 лет Бориса Васильевича, которые, впрочем, применительно к нему никак не назвать «почтенные», не оставляют. Не так много осталось в Петербурге философов, по которым можно судить о философии нашего города, которые прожили свою жизнь с честью и достоинством, представляя собой философию и образ петербургского университетского профессора.

Умирает человек, не философ. Но Борис Васильевич был человеком, для которого философия неотделима от жизни, повседневной жизни, о которой он так много писал. Может, и поэтому живой человек в своем повседневном бытии был главной темой его философских исканий, которая объединяла, скрепляла и наполняла глубиной его обращение к феноменологии и герменевтике, аналитической философии и структурализму, теории коммуникаций и семиотике. Борис Васильевич говорил, что уже в начале своего философского пути его глаза загорались, как только речь начинала идти о человеке, хотя в это время «философия человека» тщательно опекалась и была под идеологическим надзором официальной философии; лазейки, впрочем, успешно находились и в те времена. Но непросто было развивать философскую антропологию и в эпоху «смерти человека». Ведь нужно было уметь самому выживать в свободные 90-е и хоть как-то спасать, держать на плаву философскую антропологию, маневрируя для этого в разные стороны и обращаясь к разным широко признанным в то время персоналиям (Хайдеггеру, Гуссерлю, Фуко, Витгенштейну, Хабермасу, Луману и др.), чтобы, возможно, после она могла бы раскрыть себя по достоинству, которого заслуживает. В этом смысле Борис Васильевич был умелым дипломатом в эпоху кризиса, обращаясь к разным содержательным стратегиям ради сохранения значимости философско-антропологической линии в современной философии. И ему это удалось, недаром основанная им в 1993 г. кафедра философской антропологии была таким ярким явлением, а он был долгие годы, почти три десятилетия, даже не столько ее заведующим, сколько ее симпозиархом, «гением», вдохновителем, который управлял, следуя завету Лао-цзы: лучший правитель тот, о ком его подданные не знают, что он правитель. Такая деликатность, открытость и благожелательность проявлялось и в личном общении, и не только в стенах кафедры или университета. Когда коллегам нужна была помощь, шли именно к нему, и он ее оказывал. Потому что Борис Васильевич Марков был не только интересным и глубоким мыслителем, но и по-настоящему добрым, отзывчивым, сердечным (недаром он писал о сердце!) человеком, хотя и с присущей ему хитринкой в глазах, позволяющей предположить, что он понимал больше, чем говорил.

Большинство будут помнить о нем именно как о ярком, по-своему харизматичном, с особенным образом жизни, стилем и видением философе. Ведь трудно найти в философском сообществе Санкт-Петербурга того, кто не знал бы профессора Маркова, не сталкивался бы с ним в тех или иных профессионально-институализированных пространствах (еще одна любимая его тема). Он оставался философом и когда общался с деревенским жителем, причем так, что тот и не подозревал, что перед ним именитый профессор, и когда объяснял что-то очень важное из своего жизненного опыта внукам, и когда присутствовал в профессиональном сообществе, не возносясь перед студентами и не преклоняясь перед властью предрешающими в философии и образовании – последнее, может быть, еще более трудно. Он был живым – живым человеком и философом, таким, хочется думать, и останется в нашей памяти.

Вспомним же сейчас его образ, пока время не стерло его жизненные черты. На философском факультете ЛГУ/СПбГУ, ныне Институте философии, где он проработал почти 50 лет (если отталкиваться от 1974 г., когда Борис Васильевич стал ассистентом кафедры диалектического материализма ЛГУ, трансформировавшейся благодаря ему в 1989 г. в кафедру онтологии и теории познания), можно было часто встретить человека с добродушно-ироничной, без злорадства и высокомерия, улыбкой, сутулившегося, но очень активного, почти всегда одетого неофициально, иногда даже в любимой толстовке из грубого льна, подвижного, смолящего очередную сигарету, обычно окруженного студентами, аспирантами, диссертантами, молодыми коллегами, для которых он всегда, даже если спешил, находил пару слов. В нем не было официоза, искусственно или произвольно полагаемой элитарности, какой-то величавой закрытости или неприступности от чувства собственного достоинства или ощущения приближенности к истине, чем отличались многие его коллеги. Для Бориса Васильевича это была не поза, не игра, не маска, а жизнь. Жизнь научила его работать руками, чем может похвастаться далеко не каждый городской житель, она научила его общаться с людьми, относиться к ним с уважением независимо от их социально-образовательного статуса, она же приобщила его основополагающим ценностям, которым Борис Васильевич был верен и в повседневности, и в философии. Думаю, все это наследие его народных вологодских корней, о которых он всегда помнил и которые ценил, как ценил он энергетику земли, с которой был связан не только генетически, но и осознанно, в своем образе жизни и в своей философии, когда, например, писал о гипнотической, почти магической силе устного слова. Деревенская земля его породила и вскормила, питала мысль и все бытие, она же его приняла, дав последний приют.

Борис Васильевич не только писал об этой идущей из земли и народа силе, он ею сам обладал, что непосредственно и очень остро ощущалось при личном общении с ним. Это ясно было и всем, кто слушал его лекции и семинары или читал его книги – ведь письменный язык Бориса Васильевича, отличаясь четкостью, ясностью, афористичной выразительностью (и в этом, несомненно, влияние его занятий на заре карьеры неопозитивизмом под руководством Марии Семеновны Козловой, привившей ему на всю жизнь любовь к философии Людвиг Витгенштейна), не слишком-то сильно отличался от его устной речи, а это встречается довольно редко. И даже то, что Борис Васильевич, как он сам признавал, часто писал в спешке, второпях, не слишком отделявая язык своих книг и статей, сближает его письменный язык с устным, всегда в той или иной мере отличающимся незавершенностью, стилистическими погрешностями, пропусками и т. п. В этом можно видеть недостаток, но в этом же есть достоинство выразительности, непосредственности, спонтанности речи и мысли. Борис Васильевич всегда радовался успехам коллег и учеников, сказанное им слово поддерживало и укрепляло каждого, к кому его слова были обращены.

Смерть завершает жизнь, но при этом смерть способна по-новому открыть жизнь умершего и даже в определенном смысле начать ее, без его физического присутствия, но с присутствием того смысла, который он оставил и который будет жить в своего рода личной ноосфере – если не человечества, то близких коллег и родных. Борис Васильевич на свой 75-летний юбилей признавался, что он уже устал, что сделал все, что смог, и он покорно возвращается к своему деревенскому прошлому, готовясь встретить смерть с чистой сове-

стью... Наверное, для нас, его друзей и близких коллег, он мог бы сделать еще больше, ведь только за последние два года у Борис Васильевича вышли три книги. Но усталость от жизни, к которой прибавилась и болезнь, уже была у него, хотя она парадоксально сочеталась с творческой активностью, которой многие молодые люди могли бы позавидовать. Срок у каждого свой, конец одного похода означает начало другого, потухшая свеча живет загоревшимися от нее: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Послушаем слова из песни Булата Окуджавы, это и о нем, Борисе Васильевиче Маркове, пусть земля ему будет пухом; это и о нас, оставшихся и помнящих о нем:

*«...Вот еще одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.
Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим».*

Даниил Юрьевич Дорофеев,
д-р филос. наук,
заведующий кафедрой философии
Санкт-Петербургского горного университета